
«ДАМА С ЦВЕТАМИ» И «ДАМА С СОБАЧКОЙ»: ЧЕХОВСКИЕ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ М.М. ЗОЩЕНКО

И.П. Колева

Кафедра русского языка и литературы
Филологический факультет г. Палермо (Италия)
Viale delle Scienze 12, 90128 Palermo;

Кафедра русской литературы и журналистики XX—XXI веков
Московский государственный педагогический университет
ул. Малая Пироговская, 1, Москва, Россия

Статья посвящена творчеству продолжателя чеховской литературной традиции М.М. Зощенко, рассматриваются интертекстуальные связи рассказа М.М. Зощенко «Дама с цветами» с рассказом А.П. Чехова «Дама с собачкой».

Рассказ Михаила Зощенко «Дама с цветами» (1929) выделяется среди других сочинений прозаика неповторимым сочетанием серьезного с комическим, яркого гротеска с глубоким реализмом. Видимо, поэтому он всегда притягивал внимание исследователей: анализ этого произведения или упоминание о нем найдём у Ц. Вольпе, Л. Ершова, Б. Сарнова, А. Жолковского, Ю. Щеглова и многих других.

Само название рассказа «Дама с цветами» обнаруживает аллюзию с известным чеховским произведением «Дама с собачкой». Пожалуй, первым на это обратил внимание Л. Ершов, указав, что тональность зощенковского рассказа напоминает чеховское печально-лирическое настроение [1. С. 34]. Несмотря на явную цитатность названия, это произведение М.М. Зощенко до сих пор не являлось объектом сравнительного исследования. И хотя было замечено, что писатель «любил» давать своим рассказам «чужие» названия, «готовые клише», в том числе и чеховские, интерес исследователей был далек от компаративистского анализа таких произведений-двойников и раскрытия заложенных в них глубинных литературных параллелей (1).

Чеховская и зощенковская новеллы значительно отличаются пафосом, рисунком сюжетных линий. Казалось бы, что общего между сентиментально-романтической историей персонажей рассказа «Дама с собачкой» и трагикомической историей о том, как «одна интеллигентная дама потонула» в рассказе «Дама с цветами»? Возвышенно-идиллическая тональность чеховской новеллы совсем не корреспондирует с остросатирическим, в финале трагическим тоном зощенковской. И все же при перечитывании рассказа М.М. Зощенко «Дама с цветами» возникает ощущение, что его герои нам уже встречались. В рамках нового текста чеховские образы как бы играют новые роли, выполняя иные авторские задачи.

Типологическая близость этих рассказов очевидна в том, что в основе обоих лежит любовный топос. Известно, что начиная с 1890-х гг. в творчестве А.П. Че-

хова доминирует лирическое начало. Теме любви посвящены «Дом с мезонином» (1896), «Ариадна» (1895), «Три года» (1895), «Моя жизнь» (1896), «Учитель словесности» (1894), «Супруга» (1895), «Анна на шее» (1895), «О любви» (1898), «Чайка» (1896), а также «Дама с собачкой», которую В. Набоков назвал «одним из самых великих рассказов, которые когда-либо были написаны» [2. С. 23]. В творчестве М.М. Зощенко тоже превалирует сентиментальный топос. Юморист использует любовную интригу в качестве «проверки на прочность» своих героев. Автор дает им возможность испытать любовное чувство, и когда они не выдерживают этого испытания, получают статус комических персонажей.

Внимательное прочтение рассказа М.М. Зощенко «Дама с цветами» позволяет предположить, что это оригинальная переработка чеховской новеллы «Дама с собачкой», ее сатирический ремейк, своеобразная пародийная интерпретация. Исчерпывающее определение пародии дал Ю. Тынянов: «Пародия существует постольку, поскольку сквозь произведение просвечивает второй план, чем более все детали произведения носят двойной оттенок, воспринимаются под двойным углом, тем сильнее пародийность» [3. С. 319]. В рассказе «Дама с цветами» писатель решительно трансформирует тему взаимной любви чеховских персонажей в ее «редуцированный», приземленный вариант. Н. Выгон утверждает: «Пародия у Зощенко приближена к ...буквальному значению греческого слова *parodia* — „перепев“, а в большом контексте его прозы может быть названа „переводом“» [4. С. 152].

Следы литературных связей с чеховским пратекстом спрятаны у Зощенко-юмориста «вовнутрь». Чтобы их обнаружить, необходимы усилия на уровне свободных ассоциаций и интуиции, лингвистического анализа текста и фонетики образов, с использованием культурно-социологического и психобиографических подходов.

Замечено, что М.М. Зощенко не пропускал юбилейных дат своих литературных предшественников и прежде всего А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя и А.П. Чехова. К юбилеям «любимых классиков», а также «круглым» датам выпуска в печать их произведений прозаик создавал свои сочинения с явно аллюзивными названиями (2). Поэтому вовсе не случайно, что зощенковский рассказ «Дама с цветами» появился именно в 1929 г. — к тридцатилетию выхода в свет чеховской «Дамы с собачкой».

М.М. Зощенко не имитирует известный сюжет, а творчески его развивает: автор переносит чеховских влюбленных в современное ему общество — 20-е гг. — в качестве счастливой семейной пары. Сбывается то, о чем так мечтали герои «Дамы с собачкой»: «начнется новая прекрасная жизнь». Но зощенковских персонажей, как упоминалось выше, ожидает проверка любовного чувства, которое сталкивается с враждебной действительностью, где нет места «буржуйским нежностям». Светское общество *fin de siècle*, откуда, как из клетки, стремились на свободу чеховские герои, заменяется в рассказе М.М. Зощенко грубой обывательской средой рыбацкого поселка. Автор использует «полукультурного» комического рассказчика — выразителя общественного мнения. Благодаря ему писатель пароди-

рует основные знаковые характеристики чеховских персонажей и общий сентиментально-возвышенный настрой «Дамы с собачкой».

Использование М.М. Зощенко в качестве фабульного материала реального трагического события имеет свои причины. В биографическом контексте фобия воды и связанные с ней сюжетные линии встречаются во многих произведениях писателя [3]. Кроме этого, образ утонувшей жены Ф.К. Сологуба — А. Чеботаревской — мог усугубить навязчивый страх самого М.М. Зощенко. Включение в фабулу рассказа собственного «утопленнического комплекса» можно интерпретировать как художественную попытку автора избавиться от мучительных детских страхов и сновидений [5. С. 140—141].

Название рассказа «Дама с цветами» «родилось» под влиянием образа чеховской героини, которая в ялтинской толпе у пристани держит в руках букет цветов:

«Анна Сергеевна уже молчала и нюхала цветы, не глядя на Гурова»;

«Тогда он пристально поглядел на нее и вдруг обнял ее и поцеловал в губы, и его обдало запахом и влагой цветов...» [6. С. 324].

М.М. Зощенко комически обыгрывает эту портретную деталь:

«Весной в этом году приехал в Отрадное этот инженер со своей молодой супругой Ниной Петровной. ... *Завсегда в руках цветы. Или она их держит, или она их нюхает*» [7. С. 177];

«Он оторвался от масс и окончательно замкнулся в свою семейную жизнь и в свою любовь к этой своей *милочке с цветочками*» [7. С. 177];

«Одним словом, это была поэтическая особа, *способная целый день нюхать цветки и настурции...*» [7. С. 177];

«Конечно, занимайся она в свое время хотя бы зарядовой гимнастикой, она нашла бы в самый последний момент и выплыла бы. А тут *со своими цветами окунулась и враз пошла ко дну, не сопротивляясь природе*» [7. С. 178].

Комически обыгрывается в «Даме с цветами» и аллюзивное словечко «дама»: частота употребления этого слова в обоих текстах совпадает — оно используется ровно шесть раз.

Налицо параллели в именах персонажных пар:

«Дама с собачкой»:	«Дама с цветами»:
Дмитрий Дмитриевич Гуров и Анна Сергеевна	Николай Николаевич Горбатов и Нина Петровна

На уровне фонетики образов очевидно сходство в лингвистической структуре имен, отчеств и фамилий мужских персонажей: во-первых, отчество повторяет имя героя, во-вторых, схожи первые слоги фамилий *гур* — *гор*, отличающиеся лишь гласной, окончания же обеих идентичны. Тонко используя этот «словесный трюк», М.М. Зощенко, с одной стороны, подчеркивает связь своего героя с чеховским прототипом, с другой, называя его в финале рассказа *Н.Н. Горбатов*, окончательно идентифицирует его обывательскую сущность через аллюзию с *губернским городом NN* в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя. Более того, благодаря этой аллюзии М.М. Зощенко пародирует также и «донжуанский комплекс» Дмитрия Гурова, ведущего «фонетическую родословную» от Дон Гуана из «Каменного

гостя» А.С. Пушкина [8. С. 108—109]. Как отметил В. Катаев, не случайно чеховский рассказ «Дама с собачкой» появился в юбилейном 1899 г., когда праздновали столетие со дня рождения А.С. Пушкина [8. С. 109]. Используя аллюзии с пушкинскими, гоголевскими и чеховскими именами и названиями, М.М. Зощенко протягивает нить литературной преемственности, демонстрирует нерасторжимую связь своего творчества с традициями русской литературы XIX в.

Имя героини — *Нина* — не вызывает ассоциаций с ее чеховским прообразом и с его более ранними женскими прототипами из «Каменного гостя» А.С. Пушкина и «Анны Карениной» Л.Н. Толстого, имя которых — *Анна* — несет знаковую характеристику адюльтера. Ее имя скорее вызывает в памяти другой чеховский женский образ — *Нины Заречной*, с ее неопытной, на грани трагического любовью.

Повышенный авторский интерес в рассказе «Дама с цветами», равно как и в рассказе «Дама с собачкой», сфокусирован на мужской фигуре. «Дама с собачкой» — это не только история любви Дмитрия Гурова и Анны Сергеевны, но также история «перерождения» главного героя — типичного московского обывателя, любителя женщин и светских удовольствий — в человека рефлексирующего. Любовная фабула служит в рассказе А.П. Чехова средством раскрытия главной идеи произведения. «Дама с собачкой» — история жизни Гурова до его знакомства с героиней и после него. Гуров проходит сложный путь из «футляра», из «оболочки, в которую он прятался», из «сумасшедшего дома или арестанских рот» к своей подлинной человеческой сущности через понимание того, что действительно «было для него важно, интересно, необходимо, в чем он был искренен и не обманывал себя, что составляло зерно его жизни» [6. С. 334].

Следуя данной чеховской схеме, М.М. Зощенко строит и образную структуру в рассказе «Дама с цветами». Все внимание автора сосредоточено на внутреннем мире Горбатова — до трагической смерти его жены и после нее. Если у А.П. Чехова Гуров благодаря любви проходит сложный путь от обывателя к человеку, способному на глубокое чувство, то Горбатов у Зощенко движется в обратном направлении — от человека к обывателю. Зощенко-пародист меняет положительный полюс на резко отрицательный, где любовь чеховских героев сменяется ее сатирической маской, срываемой с протагониста в самом финале рассказа. Горбатов, обозрев труп утонувшей супруги, поручает похороны «этой дамы» рыбакам, нашедшим ее тело. В заключительных строчках рассказа зощенковский герой напоминает «редуцированного» Гурова до его знакомства с Анной Сергеевной:

«А недавно его видели — он шел по улице с какой-то дамочкой. Он вел ее под локоток и что-то такое вкручивал» [7. С. 181].

В «Даме с цветами» встречается множество реминисценций из чеховского рассказа, например, когда М.М. Зощенко «обыгрывает» знаковые характеристики чеховской любовной пары:

Гуров	Горбатов
по образованию филолог, но служит в банке, около 40 лет	инженер-технолог или путеец, 40 лет

В портрете Горбатова, созданном М.М. Зоценко в традициях чеховской импрессионистской манеры, заметны также черты мужа Анны Сергеевны фон Дидерица:

фон Дидериц	Горбатов
и в петлице у него блестел какой-то ученый значок, точно лакейский номер	у него на форменной фуражке какой-то производственный значок-напильник или еще чего-то такое

Лакейский «номер-знак» — самодостаточная негативная деталь, проходящая лейтмотивом через все творчество А.П. Чехова, вытесняющая естественные ценности жизни: любовь, достоинство, родственные чувства [9. С. 312—313]. Надевая Горбатова этой отрицательно знаковой характеристикой, М.М. Зоценко тем самым переносит на него и неспособность мужа Анны Сергеевны к проявлению человеческих душевных качеств. Поэтому в финале «Дамы с цветами» звучат трагические ноты, и вместо комического рассказчика неожиданно серьезно, в традициях русской реалистической прозы, звучит голос автора:

«Инженер Горбатов наклонился несколько ниже, и тут полная гримаса отвращения и брезгливости передернула его интеллигентские губы.

Носком своего сапожка он перевернул лицо утопленницы и вновь посмотрел на нее ... Снова брезгливость передернула его плечи. ...

Горбатов, конечно, без слов вынимает деньги и подает рыбакам, и прибавляет еще пять целковых с тем, чтобы они захоронили эту даму на здешнем кладбище» [12. С. 180—181].

Анна Сергеевна	Нина
«молодая дама»; «маленькая женщина, ничем не замечательная»; «Вспомнил он ее тонкую, слабую шею...»	«молодая супруга»; «Ничего такого особенного в ней не наблюдалось. Так, дама и дама»; «Утром он уезжает на пароходе, а она... спешит его провожать на своих тонких интеллигентских ножках

Как и в чеховской «Даме с собачкой», в «Даме с цветами» важную роль играет описание природы. Если у А.П. Чехова зарождение любви — следуя схеме «курортного романа» — происходит в декорациях «сказочно-возвышенного» морского пейзажа Крыма, то у М.М. Зоценко этот фон сменяется «будничным» пейзажем дачного поселка. В «Даме с цветами» резко снижается чеховский пафос, сатирически переформатируется романтическое настроение «Дамы с собачкой»:

«Дама с собачкой»	«Дама с цветами»
«Вечером, когда немного утихло, они пошли на мол, чтобы посмотреть, как придет <i>пароход</i> »; «В Ореадне сидели на скамье... смотрели вниз на море и молчали»; «Видно было, как пришел <i>пароход</i> из Феодосии, освещенный утренней зарей...»; «...они встречались на набережной, завтракали вместе... <i>восхищались морем</i> »	«Утром он уезжает на <i>пароходе</i> , а она в своем миленьком пенюаре спешит его провожать...» «И чего-то ей щебечит, воздушные поцелуи с <i>парохода</i> посылает»; «Вот он уехал, а <i>она села и сидит</i> , что дура, мечтает про разные отвлеченные вещи... <i>Сидит и сидит</i> . И кушать не просит»; «...это была поэтическая особа, способная целый день нюхать цветки и настурции или <i>сидеть на бережку и глядеть вдаль</i> , как будто там чего-нибудь имеется определенное — фрукты или ливерная колбаса»

Как видно из зощенковского текста, комический рассказчик-«материалист» воспринимает природу иначе, нежели героиня рассказа. Точнее, он не замечает природу вовсе, так как она далека от утилитарной практики. Так идиллический пейзаж «Дамы с собачкой» резко «обытовляется» в «Даме с цветами». Пародируется весь лирический настрой чеховской новеллы, так как по мнению нарратора, «этот рассказ насчет того, как однажды через несчастный случай окончательно выяснилось, что всякая мистика, всякая идеалистика, разная неземная любовь и так далее и тому подобное есть форменная брехня и ерундистика» [9. С. 176].

В «Даме с цветами» к читателю обращается рассказчик с «новым» типом сознания. Точную характеристику этому типу людей дал Б. Сарнов: «Эти новые люди могут знать, что в принципе существуют какие-то иные отношения между человеком и мирозданием, помимо чисто утилитарных. Но для них самих возможность таких бесплодных, бессмысленных взаимоотношений полностью исключена. Они могут рассматривать их лишь как необъяснимое и нелепое при творство. А в лучшем случае — как дикую и непонятную блажь» [10. С. 71].

Зощенковские «фрукты и ливерную колбасу» можно интерпретировать как пародию на чеховскую деталь-реплику про «осетрину с душиком». Как отметил В. Катаев, эта «ироническое напоминание о жизни, их окружающей и угрожающей им самой обыденностью своих проявлений» [8. С. 111]. Если у А.П. Чехова «осетрина с душиком» выражает лишь «угрозу обыденности», то зощенковские «фрукты и ливерная колбаса» — само олицетворение «человекоподобного» сознания (4).

В рассказе М.М. Зощенко комически снижается также лирическое сравнение Анны Сергеевны и Гурова с перелетными птицами, самцом и самкой, «которых поймали и заставили жить в отдельных клетках». Автор иронично называет свою героиню «голубкой», а героя — «голубчиком»:

«Он приезжает с места службы и спешит увидеть *свою голубку*» [7. С. 178];

«А он, *голубчик*, инженер Горбатов, ходит все сторонкой, ни с кем не здоровается, и только у него и делов, что ожидает — найдут ли его подругу» [7. С. 179].

Лирический финал чеховской «Дамы с собачкой» сменяется в «Даме с цветами» мрачно реалистическим, пугающе бесчеловечным. Эту особенность зощенковского юмора точно определил Б. Сарнов: «О мире, созданном воображением Михаила Зощенко, чуткий читатель мог бы сказать: „Он меня не пугает, а мне страшно“» [16. С. 697].

Символ этого безобразного мира в «Даме с цветами» — труп Офелии — утопленницы с цветами. «Не бывает неземной любви, но и плоть вне культурной идеализации — разлагающийся труп», — сказал современный критик по поводу данного рассказа М.М. Зощенко [11. С. 90].

Пародируя известное чеховское произведение, его героев и их благородные чувства, Зощенко-юморист изображает современный ему «новый» мир, где «грубость царствует безраздельно», откуда «исчезли, по-видимому бесследно, чеховские «деликатные» образы», где «на обломках, наспех, возник новый быт, не помнящий родства, человекоподобный, убогий и заносчивый» [12. С. 306].

В этом бесчеловечном мире, где «жизнь устроена проще и не для интеллигентов», звучит голос М.М. Зощенко, писателя-гуманиста, наследника и продолжателя традиций русской литературы. Искусно используя прием пародии, М.М. Зощенко вступает в творческий диалог со своим литературным наставником А.П. Чеховым, чтобы в новых исторических условиях продолжать и развивать «вечные» темы русской литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Исключения составляют исследовательские работы А.К. Жолковского «Вертер на колесах» / Сост. Е. Пермяков. — М., 1997; Л.В. Лукьяновой «Рассказ М. Зощенко «Анна на шее» (К вопросу о литературных связях М.М. Зощенко и А.П. Чехова)» // Материалы к творческой биографии. 3. — СПб., 2002.
- (2) К девятидесятилетию со дня смерти А.С. Пушкина М.М. Зощенко издает рассказ «Пушкин»; к столетию со дня его смерти выпускает в печать «Шестую повесть И.П. Белкина» и фельетон «В пушкинские дни»; к тридцатилетию со дня смерти А.П. Чехова создает рассказ «Анна на шее»; к сорокалетию со дня смерти А.П. Чехова выступает с докладом «О комическом в произведениях Чехова» и т.д.
- (3) «Утонувший домик», «Анна на шее», «Перед восходом солнца» и т.д.
- (4) На этом примере можно проследить различия в художественных стилях М.М. Зощенко и М.А. Булгакова, по-разному «усваивающих» традиции русской прозы XIX в. Так, М.А. Булгаков в романе «Мастер и Маргарита» сохраняет в первоначальном виде «осетрину с душком», «переименовав» ее в «осетрину второй свежести». (А.П. Чехов заимствует эту деталь из «Мертвых душ» Н.В. Гоголя — из сцены обеда Чичикова и Собакевича, который «пристроился к осетру» и «доехал его всего» (*Б.В. Катаев*. Литературные связи Чехова. — М.: Изд-во МГУ, 1989. — С. 10)). В рассказе же М.М. Зощенко «Дама с цветами» осетрина «модернизируется» в «ливерную колбасу и фрукты» — продукты «новой» эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ершов Л.Ф.* Из истории советской сатиры. М. Зощенко и сатирическая проза 20—40-х годов. — Л.: Наука, 1973.
- [2] *Nabokov V.* On Chekhov // *The Atlantic*. — № 8. — 1981.
- [3] *Тынянов Ю.Н.* Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // *Литературная эволюция*. — М.: Аграф, 2002.
- [4] *Выгон Н.С.* Юмористическое мироощущение в русской прозе. — М., 2000.
- [5] *Ранкур-Лаферьер Д.* Русская литература и психоанализ. — М.: Ладомир, 2004.
- [6] *Чехов А.П.* Дама с собачкой // *Собрание сочинений в 12 томах*. Т. 9. — М.: Правда, 1985.
- [7] *Зощенко М.М.* Дама с цветами // *Избранное*. — М.: Правда, 1981.
- [8] *Катаев Б.В.* Литературные связи Чехова. — М.: МГУ, 1989.
- [9] *Лукьянова Л.В.* Рассказ М. Зощенко «Анна на шее» (К вопросу о литературных связях М.М. Зощенко и А.П. Чехова) // *Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии*. 3. РАН ИРЛ. — СПб.: Наука, 2002.
- [10] *Сарнов Б.* Случай Зощенко (Пришествие капитана Лебядкина). — М.: ЭКСМО, 2005.
- [11] *Парамонов Б.* Зощенко в театре // *Конец стиля*. — М.-СПб.: АГРАФ, 1999.
- [12] *Голенищев-Кутузов И.* Ирония и Зощенко // *Возрождение*. — Париж, 1933.

**«THE LADY WITH FLOWERS»
AND «THE LADY WITH A LITTLE DOG»
(about checkov traditions
in the prose by M.M. Zoshenko)**

I.P. Koleva

Department of the Russian Language and Literature
the Philological Faculty of the city of Palermo (Italy)
12, Viale delle Scienze;

Department of Russian Literature and Journalism of the XX—XXI centuries
Moscow State Pedagogical University
Malaya Pirogovskaya str., 1, Moscow, Russia

The article is devoted to the important aspects of the prose of M.M. Zoshenko — continuation of the Checkov tradition in literature. The paper researches into the intertextual connection between the story «The Lady with Flowers» by Zoshenko and the story «The Lady with a Little Dog» by Checkov.